

Евгениуш РОЖКОВСКИ

ГОЛОДОВКА

Опубликованный текст является отрывком из воспоминаний Евгениуша Рожковски. Воспитанник белостокской учительской семинарии, в октябре 1944 года он начал работать учителем начальной школы в Чарна-Веси около Белостока. 6 ноября 1944 года Евгениуш был арестован прямо в школе и перевезен в Белосток, в помещение СМЕРШа. Пройдя через белостокскую тюрьму, уже 8 ноября он без суда был вывезен в неизвестном направлении. Как выяснилось через 10 дней пути, конечным пунктом путешествия являлся Осташков. К концу марта 1945 года Е.Рожковски в составе группы поляков был перевезен в Дягилево под Рязанью. В этом лагере летом 1947 года среди заключенных вспыхнул голодный бунт.

Уже зимой питание в лагере ухудшилось. Суп стал значительно жиже, труднее было получить дополнительный паек за выполненную работу. Среди интернированных нарастало недовольство. Двое пожилых офицеров решились на побег. Далеко не ушли - после поимки их наказали двухнедельным карцером.

Чтобы хоть как-то разнообразить лагерное меню, группу заключенных, естественно с конвоиром, послали для сбора щавеля. Я тоже участвовал в этой вылазке и собирал щавель на прибрежных лугах воспойтой поэтами реки Оки.

Весной, словно по контрасту с природой, в лагере росло напряжение, усиливалось желание как-то сломать безнадежное прозябание.

Проходивший в Польше референдум, выборы в Сейм, нормализация обстановки были явными аргументами в пользу возможного возвращения на родину и включения в настоящую жизнь.

В разговорах, дискуссиях, спорах, даже ссорах о продолжающемся заключении и способах его прекращения постепенно определились направления нашей деятельности. Старосты лагерных барачков были наделены полномочиями представлять интересы отдельных групп заключенных перед комендатурой лагеря. Они должны были вручить начальству собранные от интернированных петиции, в которых мы просили: 1) Ответить, когда мы будем отпущены на родину. 2) Прислать в лагерь представителя польского посольства в Москве. 3) Улучшить питание.

В случае отказа мы угрожали голодовкой.

Была суббота, 28 июня 1947 г. В предвечерние часы отчаянные делегаты, представлявшие барачки рядовых, отправились к комендатуре лагеря. Мы ждали их возвращения с напряжением и беспокойством.

После захода солнца вернулся представитель от нашего блока и приглушенным голосом сообщил внимательно слушающим товарищам ответ коменданта: 1) освобождение наступит, когда придет приказ от Сталина, а пока он обязан охранять и заботиться о нас; 2) просьбу о прибытии в лагерь представителя польского посольства он передаст своему непосредственному начальству; 3) питание будет улучшено, как только появится возможность.

Собравшиеся выслушали информацию в полной тишине. Наученные опытом, мы были слишком осторожны в высказывании замечаний - так можно было получить срок за подстрекательство. Однако через минуту помещение наполнилось гулом голосов: комментариями вполголоса, вопросами, предположениями. Что теперь будет? - с этим вопросом мы и заснули.

Дягилевский концлагерь НКВД N 178-454. Рисунок одного из заключенных. Из архива Е.Полячека.

В воскресенье, 29 июня еще перед подъемом в коридорах барака раздался громкий крик: "Голодовка!" Это, однако, не вызвало никакой реакции. После подъема, как предписывали лагерные правила, все направились на плац для переклички. Проверка проходила спокойно и быстро. После того, как все разошлись, дежурные блоков поспешили к кухне, где в определенной последовательности стояли баки с супом - завтрак. В это же время "организация рядовых лагеря" на завтрак не спешила. Они прогуливались по двору, присаживались на скамейки у барачков. Появились первые дежурные с баками горячего супа. Отовсюду в их адрес раздавалось: "Верните это все на кухню!" Однако дежурные, помня, что инициатива наказуема, выполняли свои обязанности до конца. Вскоре они стояли в блоках с половниками в руках, готовые разливать лагерный "супчик". Однако желающих не было, никто не подходил с котелками или мисками. Завтрак получали только отдельные заключенные, члены так называемых "демократических кружков". В столовой принимали пищу очередные группы офицеров.

Шли минуты, суп остывал. Дежурные не знали, как им поступить. В конце концов, под давлением общественного мнения, баки с почти не тронутой пищей были возвращены на кухню.

Создавшаяся тревожная ситуация побудила лагерное начальство в скором времени повторить построение. На плацу спокойно и быстро построились обычные пятачки. В этот раз проверки количества не было. Дежурный офицер (а может это был и сам комендант), стоящий перед строем, строгим голосом приказал немедленно получить завтрак, чтобы освободить котлы для приготовления обеда. Собравшиеся отреагировали на приказ молчанием. После построения ни один из дежурных на кухню не пошел.

В последнее время в лагере установилась традиция - по воскресеньям, если позволяла погода, под открытым небом у полевого алтаря проводить богослужение. Служили находящиеся в лагере сцендзы, либо из офицерской группы, либо из барака рядовых. Так и в тот день, в праздник святых Петра и Павла все желающие могли принять участие в богослужении. Молебен проходил торжественно и спокойно. По его окончании, как и в предыдущие дни все спели псалом, привезенный в Польшу из Англии:

О, Господь, сущий на небесах,
Протяни справедливую длань!
Молим тебя отовсюду
О польском крове и польском оружии.
О Боже, сокруши тот меч,
Что иссек нашу страну!
В свободную Польшу вернуться нам дай,

Чтобы стал крепостью новой силы
Наш дом, наш край...

Наутро ксендз, проводивший богослужение, был арестован и вывезен из лагеря.

Пошло время обеда. На призыв к приему пищи среагировали единицы. Остальные остались верными принятому решению. Большинство офицеров присоединилось к протесту. Первый день голодовки принес чувство правоты нашего солидарного дела.

День 30 июня начался обычным построением. Был повторен призыв к приему пищи. И снова не вызвал никакой реакции со стороны голодавших. Не вызвали на выход и работающие бригады: в лагере было правило - без утреннего питания за ворота не выпускали.

Весть о голодовке, просочившаяся за проволоку, вызвала сочувствие и у гражданского населения, что выражалось в доброжелательных жестах и словах: "Поляки, держитесь!" Прошел слух, что к голодовке присоединились немецкие военнопленные из лагеря вблизи Рязани.

Около комендатуры можно было заметить необычное оживление, появилось много автомобилей - мы гадали, что лагерное начальство изучает создавшуюся ситуацию. Комендант лагеря обратился к находящимся вместе с нами польским генералам с призывом убедить интернированных прекратить голодовку. Генералы от такой миссии отказались.

Хотя ощущения голода становились мучительными, никто не собирался сдаваться. Жажду утоляли вскипяченной в котелках водой.

Не приступила к работе ни одна лагерная мастерская. Люди бродили по жилой зоне, кое-кто лежал на нарах.

1 июля голодовка продолжалась. Работники кухни и пекарни отказались от работы и присоединились к большинству. На кухню были направлены новые работники, из лиц, не участвующих в голодовке. Хлеб для них доставляли из лагеря немецких военнопленных. К голодовке присоединились и больные, находившиеся в лагерном госпитале, вместе с обслуживавшим его персоналом из поляков.

Вскоре разнеслась весть, что офицеров готовят к выезду. Всех интересовало - куда? Официальная версия гласила: на родину. Подготовка проходила очень быстро: комплектова-

лись документы, пополнялась одежда, готовилась пища для отходящего эшелона.

Одновременно лагерное начальство стало усиленно склонять рядовых к прекращению голодовки. Строгие до сих пор надзиратели подсаживались к голодающим и тихими, полными сочувствия голосами разъясняли всю неразумность наших поступков: что, дескать, пожалейте свое здоровье, вы ведь должны вернуться к своим семьям, что все это не имеет смысла. Типичным было такое: приходит в блок офицер, лежащие на верхних нарах, не стесняясь в словах, обзывают его обманщиком, угнетателем и лицемером. Он все терпеливо выдерживает - видна хорошая выучка. Но и такие инициативы наших "опекунов" не помогали - голодовка продолжалась.

Утром 2 июля появились сведения о сильном отравлении консервами части тех, кто не присоединился к голодовке и получал пищу в офицерской столовой. Несколько больных в тяжелом состоянии были отправлены в госпиталь в Рязани. А один из вновь завербованных поваров поплатился своей жизнью... Случай этот произвел устрашающее действие на противников голодовки.

В тот же день на ближайших железнодорожных путях готовили к отправке группу офицеров. С крыш барakov мы могли наблюдать такую картину: товарные вагоны, усиленный конвой с собаками и деревянными молотками. Все это не предвещало ничего хорошего - похоже, это был новый этап... При каких обстоятельствах увезли из лагеря пятерых находившихся там генералов я не помню.

Выезд офицеров не ослабил упорства и готовности продолжать коллективный протест среди оставшихся. Осложнялась ситуация тем, что нужно было выходить на переключку. Пожилым, более слабым уже не хватало сил, чтобы спуститься с нар и встать в строй. Солдаты из охраны внимательно проверяли барак. Тех, кто не выходил на плац и выказывал явные признаки ослабления, забирали в больницу, где практиковалось грубое принудительное кормление с помощью резинового шланга. После таких процедур пациенты при первой возможности сбегали в барак и старались скрывать упадок сил.

В значительной степени были ослаблены и все остальные. Передвигались медленно и осторожно. Преодоление узкой канавки или высокой ступеньки уже требовало усилий. Быстрая смена положения тела, например, из лежачего в сидячее, вызвала головокружение. Обезвоженный организм реагировал онемением конечностей и шумом в ушах.

3 июля началась подготовка к отъезду следующей группы интернированных, на этот раз рядовых. В первоначальный список добавлялись все новые фамилии. Последний отбор проводился 4 июля, в основном, по внешнему виду. Через поперечный коридор в бараке друг за другом проходили интернированные со своими вещами. На выходе из коридора находилась комиссия из служащих комендатуры, которая подвергала людей беглому осмотру и, на основании известных только ей критериев, направляла в одну из двух групп. Первая группа присоединялась к убывающим, вторая пока оставалась на месте. Я был направлен к остающимся. Оставляли тех, кто был по мнению комиссии спокоен, малоактивен. При более подробном рассмотрении можно было убедиться, что среди остающихся преобладали люди среднего возраста, рабочие и крестьяне.

Грузин Владимир Губадзе, капитан польской АК, узник лагеря 178-454. Из архива Е. Полячеки.

Сразу после селекции, в обеденное время мы попрощались с уезжающими товарищами. Расставались люди, подружившиеся за несколько лет совместной лагерной жизни. Уезжали все, кроме одной, интернированные женщины. Колонна скитальцев вышла за ворота, повторился сценарий с предыдущим этапом: товарные вагоны, плотный конвой с примкнутыми к карабинам штыками...

На месте нас оставалось около 300 человек. Комендантом этого мини-лагеря стал пожилой офицер в звании капитана. Оказался он человеком мягким и доступным.

Во вновь созданных группах разгорелась дискуссия: как нам дальше поступить, что делать? Таким небольшим числом продолжать упорствовать уже не имело большого смысла. Хотя и разочарованные, мы признали разумным прекратить голодовку. Заново организованная кухня приготовила диетический суп. Начиная очередной этап неволи.

Последующие дни ушли на организацию новой жизни. Отступили от войсковых схем. Общим представителем при лагерной комендатуре стал молодой офицер - "демократ", который во время формирования этапа находился в госпитале. В каждом блоке выбирали своих старост. Заняли удобные нары, оставшиеся после офицеров. На матрасах появились простыни. Пищу принимали из чашек, в столовой. В кухне был установлен общественный контроль. Хлеб привозили из немецкого лагеря. Занимались нас только на работах по поддержанию порядка внутри лагеря. Были робкие попытки просветительских бесед, например, из области географии.

Через некоторое время мы узнали, куда попали этап интернированных из Дягилева. Офицеры оказались где-то под Казанью, рядовые же попали в населенный пункт Баров - не помню уже какой области - по-видимому, где-то на севере европейской части СССР. Эти сведения мы расшифровали из надписей, начерпанных на кухонной посуде, вернувшейся с этапов в наш лагерь. Пессимистические прогнозы подтвердились: наши "опекуны" одержали еще одну победу над своими "подопечными"...

(По материалам журнала "SYBIRAK" (Польша) 1990 г.)

Белосток

Боец Армии Крайовой - заключенный дягилевского лагеря. Рисунок из архива В.Тумидайской.